
Алла Есенина
Артистка для миллионера
Книга вторая.
ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА
18+

Алла Есенина

Артистка для миллионера. Книга вторая. Последняя жертва

«Автор»
2026

Есенина А.

Артистка для миллионера. Книга вторая. Последняя жертва / А. Есенина — «Автор», 2026

У Марины Крыловой главная роль в фильме знаменитого режиссёра, и до съёмок осталось несколько месяцев. Кажется, мечта сбылась. Но шрам на шее ещё не зажил, а тот, кто накинул на неё петлю, по-прежнему ходит рядом.Её сердце разрывается между двумя мужчинами. Руслан лёгкий, весёлый и щедрый, с ним хочется смеяться. Андрей Ракитин жёсткий, закрытый и опасный, рядом с ним кружится голова. Один приглашает её встретить Рождество в роскошном загородном отеле. Другой просит лишь об одном: «Будьте осторожны».В мире, где жёны закрывают глаза, а мужья покупают всё, что хотят, у каждого своя игра. И не каждый бокал шампанского наливают за твоё здоровье.Марине предстоит узнать, кто её предал, кто готов спасти и чья жизнь станет последней жертвой этой зимы.Финал истории о любви, которая приходит сквозь снег, и правде, которая скрывалась за кулисами.Остросюжетный любовный роман о театре, богатстве, опасных мужчинах и девушке, которая не продаётся.

© Есенина А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 16. Пробы 5
Глава 17. Отработанный алгоритм 8
Глава 18. Первая леди без грима 11
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Алла Есенина
Артистка для миллионера.
Книга вторая. Последняя жертва

Начало истории читайте на "ЛитРес" в бесплатной книге "Артистка для миллионера. Книга первая. Провинциальная муза"

Глава 16. Пробы

Сценарий Марина прочла за одну ночь. Потом ещё раз — днём, между парами, пряча листы под учебником истории театра. Потом в третий раз — вслух, Ксюше, которая сидела на кровати, завернувшись в одеяло, и то смеялась, то шмыгала носом.

«Провинциальная муза» оказалась историей о девушке Вере, которая приезжает из маленького волжского городка покорять Москву и попадает в орбиту великого стареющего актёра. Он открывает ей двери, делает из неё звезду, а взамен хочет только одного — чтобы она оставалась его музой. Навсегда. И Вера долго не понимает, что красивая клетка — всё равно клетка.

— Крылова, — сказала Ксюша, вытирая глаза краем пододеяльника, когда Марина дочитала последнюю сцену. — Ты понимаешь, что это про тебя?

— Это не про меня. Это просто кино.

— Ага. Просто кино. А надпись на первой странице — «Марине, которая спасла мне жизнь» — тоже просто кино? Твой Северский, по-моему, сам не понял, что подсунул тебе зеркало.

Марина ничего не ответила. Но ночью долго лежала без сна, глядя в темноту, и думала о Вере. О том, как та сидела в гримёрке своего покровителя и смотрела на себя в зеркало в обрамлении жёлтых лампочек. Эту сцену сценарист будто подсмотрел.

Пробы проходили на «Мосфильме», в старом павильоне с облупленными стенами и высоченным потолком, под которым висели гроздья прожекторов.

Марина пришла за час. Сидела в коридоре на жёстком стуле, рядом с ещё пятью девушками — все красивые, все ухоженные, все с одинаковыми, как жаловался Кольцов, губами и носами. Они переговаривались вполголоса, оглядывали друг друга и Марину, и в их взглядах она узнала тот самый театральный яд, от которого спасалась полгода. Одна из них, яркая брюнетка с нарощенными ресницами, громко сказала подруге: «Это та, от Северского. Ну, понятно».

Марина сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. И вспомнила Элеонору: «Идите так, будто весь этот магазин принадлежит вам». Распрямила спину. Подняла подбородок. И улыбнулась брюнетке — спокойно, почти ласково, как улыбаются ребёнку, который сказал глупость.

Брюнетка отвела глаза первой.

— Крылова! — позвала ассистентка.

Михаил Аркадьевич Кольцов оказался совсем не таким, каким она его себе представляла по монументальным фото в журналах. Не великий мастер в шарфе и с трубкой, а маленький, лысый, подвижный, как ртуть, человек в растянутом свитере и кроссовках. Он сидел верхом на стуле, развернув его спинкой вперёд, и грыз карандаш.

— Вот вы какая, — сказал он, оглядев её с головы до ног. — Глеб не соврал. Лицо живое. Шею что прячете?

Марина размотала платок. Кольцов посмотрел на шрам — и вдруг довольно хмыкнул.

— Отлично. Гримёры уберут, если понадобится. А может, и не понадобится. У Веры может быть своя история на коже. Ладно. Сцену в гримёрке знаете?

— Знаю.

— Наизусть?

— Наизусть.

— Тогда забудьте её. Играйте не текст. Играйте то, что под ним. — Он махнул карандашом. — Мотор!

Партнёром был молодой артист, который подавал реплики за покровителя. Марина села перед зеркалом — настоящим гримёрным зеркалом с лампочками, которое реквизиторы притащили прямо в павильон. Посмотрела в него.

И лампочки вдруг погасли у неё в голове. Не в павильоне — в памяти. Щелчок замка. Сладковатый запах. Петля.

Руки задрожали. Горло перехватило. Партнёр подал первую реплику — а она не могла вымолвить ни слова.

«Ну всё, — пронеслось в голове. — Провалила. Сейчас скажут: «Спасибо, следующая»».

А потом вдруг поняла: не надо ничего играть. Надо просто позволить этому быть. Этому страху. Этому холоду в груди. Этой девочке из Воронежа, которая сидит в чужой гримёрке и не знает, кто войдёт в дверь.

И она заговорила.

Она не помнила потом, что именно говорила. Кажется, текст сценария. Кажется, что-то своё. Помнила только, как в павильоне стало очень тихо. Как партнёр сбился и забыл реплику. Как оператор медленно, почти на цыпочках, подъехал с камерой ближе.

— Стоп, — сказал Кольцов. Голос у него был хриплым.

Он долго молчал. Грыз карандаш. Потом встал со стула, подошёл к Марине и, к её изумлению, взял её лицо в ладони — так, как берут в руки что-то хрупкое и драгоценное.

— Девочка, — сказал он тихо. — Откуда ты это взяла?

— Из жизни, — честно ответила Марина.

— Вот и не отдавай её никому. Свою жизнь. Слышишь? Никому. Ни мне, ни Глебу, ни какому-нибудь богатому дураку с бриллиантами. — Он отпустил её и обернулся к ассистентке: — Всё. Остальных отпускай. Извинись красиво, скажи — спасибо, были прекрасны. Вера у нас есть.

Съёмки назначили на апрель. Подготовка — с февраля: репетиции, примерки, уроки верховой езды для одной сцены и, к ужасу Марины, уроки вождения для другой. Агент, которого ей нашли на студии, — деловитая дама по имени Зоя Павловна — привезла договор, и, увидев цифру гонорара, Марина опустилась на кровать и минут пять смотрела в стену.

Этой цифры хватало, чтобы мама уволилась со второй работы. Чтобы снять квартиру. Чтобы купить сапоги, которые не протекают.

Мама плакала в трубку целый час. Бабушка взяла трубку и сказала только: «Ну вот. А я говорила — не разменяй молодость на ерунду. Не разменяла». И тоже заплакала.

А Марина не плакала. Она вообще почти не спала эти дни — от счастья, от страха, от того, что голова кружилась, как на карусели.

И ещё — от мыслей, которые она не могла никому рассказать. Даже Ксюше.

Потому что их было двое.

Руслан позвонил наутро после «Генацвали». Не обиженный, не злой — виноватый. «Марина, я свинья. Я тебя позвал, накормил и бросил ради Гошки и его компании. Ты имеешь полное право меня не простить. Но я всё равно буду просить прощения. Каждый день. Пока не простишь». И просил. Каждый день. То коробка мандаринов под дверью общежития, с открыткой: «Витамины для будущей звезды». То смешное голосовое сообщение, в котором он фальшиво пел «Прощание славянки», подыгрывая себе на баяне. То просто фотография заснеженного парка с подписью: «Здесь не хватает тебя».

С ним было легко. С ним было смешно. С ним она чувствовала себя той, кем ещё полгода назад даже не мечтала стать, — женщиной, за которой ухаживает красивый, богатый, весёлый мужчина. И когда он смотрел на неё своими смеющимися карими глазами, ей хотелось смеяться в ответ.

Но иногда она вспоминала окаменевшее лицо: «Жену». И ту паузу в ЦУМе. И «А то и свободу».

А Ракитин…

Ракитин прислал посылку. Через три дня после Арбата. Курьер принёс в общежитие тяжёлую коробку, и комендантша, ворча, позвала Марину вниз. В коробке лежало старинное, пахнущее пылью и временем издание — «История русского театра» в трёх томах, 1914 года, с золотым тиснением на корешках. И записка, написанная крупным, резким, угловатым почерком:

«Вы штудируете историю театра лучше всех. Я был неправ. Простите за Арбат. А. Р.»

И больше ничего. Ни телефона, ни приглашения.

Она нашла его номер сама. У дяди Бори — тот знал всех спонсоров театра. Долго держала палец над кнопкой вызова. Потом написала: «Спасибо за книги. Они прекрасны. Я вас прощаю».

Ответ пришёл через минуту: «Тогда выпейте со мной кофе. Только кофе. В любой день, когда у вас не будет учёбы».

«У меня всегда учёба».

«Я умею ждать».

И он ждал. Не засыпал её подарками, как Руслан, не писал каждый день. Но раз в неделю — всегда в воскресенье вечером — приходило короткое сообщение. «Как пробы?» «Поздравляю. Я знал». «Холодно сегодня. Носите шарф». И каждый раз, увидев на экране его имя, Марина чувствовала, как что-то внутри замирает и переворачивается.

С ним не было легко. С ним было — как стоять на краю обрыва. Страшно. И невозможно отойти.

— Ксюш, — спросила она однажды ночью, глядя в потолок. — А можно любить двоих?

— Можно, — сонно ответила Ксюша. — Только недолго. Потом один из них обязательно окажется сволочью.

— А если оба хорошие?

— Так не бывает, Крылова. Спи.

Марина не спала. Она смотрела в потолок и думала о том, что ей сейчас вообще некогда любить. У неё съёмки весной. У неё роль. У неё Вера, которую надо придумать, прожить, вырастить внутри себя. Какие тут романы?

Но почему-то, засыпая, она видела не Веру. Она видела серо-зелёные глаза, холодные, как ноябрьская вода. И смеющиеся карие. И не могла понять, какие из них снятся ей чаще.

Глава 17. Отработанный алгоритм

Руслан Мельников не собирался влюбляться.

Это было не по правилам. А правила он выучил давно, ещё четыре года назад, когда сидел на полу пустой квартиры, из которой бывшая жена вывезла даже люстры, и смотрел на экран телефона, где светилось сообщение от банка о заморозке счетов.

Правила были простые. Не привязываться. Не верить. Не жалеть. Брать от жизни всё, пока она не отняла у тебя то немногое, что осталось.

И ещё одно правило, самое главное. Его ему объяснил Виктор Семёнович Громов в тот самый день, когда вытащил его из ямы.

«Я тебе дам всё, Руслан. Деньги, бизнес, имя. Ты мне — верность. И кое-какие услуги. Деликатного свойства. Ты парень обаятельный, молодой, девчонки тебе верят. А я человек занятой. Мне некогда ухаживать. Понимаешь?»

Руслан понял.

Алгоритм за четыре года отработался до автоматизма.

Сначала — присмотреться. Конкурсы красоты, кастинги, вечеринки, модельные агентства, фитнес-клубы. Найти ту, что «в Витином вкусе»: молодую, свежую, лучше из провинции, лучше без денег и без связей. Потом — познакомиться. Обаять. Рестораны, подарки, машина, лёгкость, смех. Девчонки таяли, как снег на капоте прогретого «Порше». Потом — сблизиться. Самому. Это была обязательная часть: Громов не любил «неопытных» и не любил «истеричек», и Руслан должен был проверить, на что девушка готова.

А потом — небольшая поездка. Загородный отель, красивый вечер, шампанское. И в нужный момент в номер заходит Виктор Семёнович. Дальше — уже не его дело.

Большинство потом даже не жаловались. Громов был щедр. Квартиры, машины, поездки в Дубай. Через полгода-год ему надоедало, девушка получала «выходное пособие» — и исчезала. Кто-то уезжал домой с деньгами, кто-то находил следующего покровителя.

Некоторые, правда, жаловались. Плакали. Угрожали. Но у Громова были хорошие юристы, хорошие связи и очень хорошая служба безопасности. Жалобы куда-то исчезали.

Руслан старался об этом не думать.

Тот звонок — после ЦУМа, после того как он высадил Марину у общежития, — тоже был частью алгоритма. «Познакомился. Ничего не подозревает». Он доложил по привычке, как докладывал о каждой. Громов тогда только хмыкнул: «Ну присмотрись. Если стоит того — сообщишь».

А потом Громов увидел светскую хронику. Ту самую, с вернисажа. Девушку в серо-голубом шёлке с открытой спиной, которая смотрит на картину с горящим окном.

И позвонил сам.

— Это кто? — спросил он без приветствия.

— Студентка, — осторожно ответил Руслан. — Театральный. Второй курс. Виктор Семёнович, она не совсем…

— Хочу эту, — сказал Громов. И положил трубку.

А в середине декабря Руслан увидел её на сцене.

Он не собирался идти. Марина вскользь упомянула, что у них в учебном театре зачётный спектакль, «Двенадцатая ночь», что она играет Оливию — графиню, которая влюбляется в переодетую девушку. Роль второго плана. «Ничего особенного, — сказала она. — Не приходи, там скучно, одни студенты и родители».

Он пришёл. Сел в последнем ряду крошечного зала на сто мест, между чьей-то бабушкой с пакетом пирожков и толстым парнем, снимавшим всё на телефон.

И пропал.

Он не понимал, что с ним происходит. Он видел её в ЦУМе, в «Генацвали», на вернисаже. Видел красивой, смешной, смущённой, сердитой. Но никогда не видел такой. На сцене Марина была другой — светящейся, словно кто-то зажёг лампу у неё внутри. Её Оливия была гордой, надменной, а потом вдруг — беззащитной, растерянной, влюблённой до дрожи. Она произносила шекспировские строчки так, словно они только что пришли ей в голову. И когда она сказала: «Любовь, которую ищут, — хороша, но лучше та, что приходит сама, непрошеной», — Руслан почувствовал, как у него перехватило горло.

Зал хлопал стоя. Бабушка с пирожками плакала. А Руслан сидел, не в силах подняться, и думал только одно: «Я не могу. Я не могу отдать её ему».

— Не можешь? — переспросил Громов.

Они сидели в его кабинете на шестьдесят втором этаже башни в Москва-Сити. За панорамным окном расстилалась вся Москва — серая, заснеженная, в огоньках. Виктор Семёнович Громов, шестидесяти двух лет, грузный, широкоплечий, с бычьей шеей, седым ёжиком волос и маленькими цепкими глазами, сидел за огромным столом из чёрного дерева и вертел в пальцах золотую ручку.

— Виктор Семёнович, она… другая. Она не из этих. Она актриса, у неё съёмки у Кольцова весной. Она не поведётся на деньги. Она даже руку мне на колено не дала положить.

— Тем интереснее, — спокойно сказал Громов.

— Виктор Семёнович, давайте я вам найду другую. Хоть десять. Хоть «Мисс Москву». Только не её.

Громов отложил ручку. Посмотрел на Руслана долгим, тяжёлым взглядом. И Руслан, взрослый тридцатилетний мужчина, вдруг почувствовал себя тем мальчиком из казанской общаги, которого вызвали к декану.

— Руслан, — сказал Громов негромко. — Ты что, влюбился?

Руслан промолчал.

— Влюбился, — констатировал Громов и усмехнулся. — Дурак. Ну, ничего, это проходит. А теперь послушай меня. Четыре года назад ты был никем. Банкротом, которого жена обобрала до нитки и бросила ради Ракитина. Ты сидел в пустой квартире и думал, как бы половчее повеситься. Я тебя вытащил. Я дал тебе всё. И у меня, если ты забыл, контрольный пакет во всех твоих конторах. Во всех, Руслан. Одна моя подпись — и ты снова никто. А если я захочу — и не просто никто, а никто с уголовным делом. Ты ведь помнишь, через кого шли деньги по казахской сделке? Чья подпись на документах?

Руслан помнил.

— Я хочу эту девушку, — сказал Громов так же спокойно, будто речь шла о новой машине. — На Рождество. Как обычно. Сделаешь — получишь долю в дубайском проекте. Не сделаешь — пеняй на себя. Свободен.

Он пригласил её на следующий день. Голос не дрожал — за четыре года он научился, чтобы не дрожал.

— Марина, у меня предложение. Неприличное, но в самом приличном смысле. Рождество. Шестого января, на три дня. Парк-отель «Сосновый бор», под Звенигородом. Лес, снег, камин, конные прогулки — ты же говорила, тебе для съёмок нужна верховая езда? Там лучшая конюшня в Подмосковье. Отметим твою роль. Ты заслужила отдых.

— Руслан… — В трубке повисла пауза. — Я не знаю. Это как-то…

— Номера разные, — быстро сказал он. — Обязательно разные. На разных этажах, если хочешь. Я просто хочу провести с тобой Рождество. Без Гошек, без вернисажей, без всяких этих… Только мы и лошади. Клянусь баяном.

Она засмеялась. И Руслан закрыл глаза, потому что этот смех резал его без ножа.

— Ладно, — сказала Марина. — Ксюша всё равно уезжает домой, в Тверь. А мне в общаге одной на Рождество… Ладно. Но номера разные.

— Разные, — пообещал он.

Повесил трубку. Долго сидел в машине у её общежития, глядя на освещённое окно на третьем этаже. Потом достал из бардачка плоскую фляжку с коньяком и сделал большой глоток.

«Это последний раз, — сказал он себе. — Последний. Потом я уйду. Потом я всё ей объясню. Она поймёт…»

Он и сам знал, что врёт.

Глава 18. Первая леди без грима

Элеоноре Андреевне Громовой был пятьдесят один год.

Об этом знали четыре человека на свете: она сама, её муж, нотариус, заверявший брачный контракт, и Тимур Рашидович Алиев, который последние десять лет каждые три месяца стирал с её лица очередной год.

По утрам, пока дом в Барвихе ещё спал, она подолгу сидела перед зеркалом в ванной — огромным, с подсветкой, безжалостным. Без грима. Без сыворотки, без тонального крема, без утренней улыбки. И смотрела на себя так, как смотрят на противника.

Морщинки у глаз. Чуть поплывший овал. Тонкая, как папиросная бумага, кожа на руках — руки, Тимур говорил, выдают возраст первыми, и с ними сделать почти ничего нельзя. Шея. Вечная предательница шея.

«Ещё полгода, — говорила она отражению. — Ещё год. Ты справишься, девочка из Ачинска. Ты всегда справлялась».

Виктор Громов женился на ней в девяносто пятом. Ей было двадцать, ему — тридцать один. Она — первая вице-мисс России, без денег, без жилья, с одной спортивной сумкой и огромными синими глазами. Он — молодой, наглый, с первыми деньгами и первыми бандитскими разборками. Он увидел её на конкурсе и через неделю сделал предложение. Она согласилась, потому что он был единственным из всех липких мужчин вокруг конкурса, кто не попытался затащить её в гостиничный номер. Он сразу предложил загс.

Тогда это казалось ей благородством. Потом она поняла: Витя просто привык получать всё сразу и целиком.

Они прожили вместе тридцать лет. Девяностые, когда в Витю стреляли и она неделю сидела у его постели в больнице. Нулевые, когда пошли заводы, Сибирь, большие деньги. Десятые — Дубай, торговый центр, яхта, дом в Барвихе. Она была рядом всегда. Умная, верная, красивая. Хозяйка его домов. Лицо его благотворительного фонда. «Первая леди», как её стали называть после того вечера в тринадцатом году, когда заокеанский хозяин конкурса поцеловал ей руку.

Детей у них не было.

Сначала не хотели. Потом не получалось. Потом были врачи, клиники в Швейцарии и Израиле, гормоны, надежды, срывы. И, наконец, один вежливый профессор в Цюрихе, который снял очки и сказал: «Мне очень жаль, фрау Громова». Ей было тридцать восемь.

Витя не упрекнул её ни разу. Ни одного слова. Но именно тогда, в тот год, в его жизни появилась первая девочка.

Элеонора узнала быстро. Она всегда всё узнавала быстро. Был скандал — один-единственный, страшный, с разбитой вазой и Витиным кулаком, впечатанным в стену в сантиметре от её лица. А потом он сказал, тяжело дыша:

— Ты моя жена. Ты ею и останешься. Навсегда. Я тебя никогда не брошу, Эля. Но мне пятьдесят скоро будет. Мне нужно… чувствовать, что я ещё живой. Это ничего не значит. Это как спортзал. Как охота. Ты понимаешь?

Она поняла. Она была умной женщиной. А ещё она прекрасно знала, что брачный контракт, который она подписала в двадцать лет, не оставлял ей при разводе почти ничего. И что «хищницы» — молодые, голодные, расчётливые — только и ждут, чтобы сделать из «спортзала» новую семью. С детьми. С наследниками.

И тогда Элеонора сделала единственное, что могла. Она взяла это под контроль.

Как тогда, на конкурсе. Не мешать — но смотреть. Знать каждую. Понимать, кто на что способен. Вовремя заметить, если какая-нибудь девочка начнёт задерживаться дольше положенного, требовать больше положенного, мечтать о большем, чем квартира и машина. И вовремя — тихо, мягко, через нужных людей — сделать так, чтобы девочка исчезла. Получила щедрые отступные и уехала. Без скандала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.